

Тамара Григорьевна Габбе

Город мастеров, или Сказка о двух горбунах

Тамара Габбе

Город мастеров, или сказка о двух горбунах

Пьеса в трех действиях, четырех картинах

(вариант, предназначенный для художественной самодеятельности)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Герцог де Маликорн – наместник чужеземного короля, завоевавшего город Мастеров.

Гильом Готшальк – советник герцога.

Мушерон – бургомистр, назначенный наместником.

Нанасс Мушерон, по прозвищу «Клик-Кляк», – его сын.

Мастер Фирен – старшина златошвейного цеха.

Вероника – его дочь.

Мастер Мартин, по прозвищу Маленький Мартин, – старшина оружейного цеха.

Мастер Нинош – старшина пирожного цеха.

Жильберт, по прозвищу «Караколь», – метельщик.

Бабушка Тафаро – старая гадалка.

Тимолле – мальчик лет 12-13, подмастерье.

Жители города Мастеров, солдаты наместника.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Занавес опущен. На нем изображен герб сказочного города. Посредине щита, на золотом поле, гривастый лев сжимает когтями извивающуюся змею. Из-за занавеса на просцениум выходит бабушка Тафаро. Она осматривает зрительный зал, затем герб на занавесе, потом снова поворачивается к зрителям.

БАБУШКА ТАФАРО.

Когда это было?

В какой стороне?

Об этом сказать мудрено.

И цифры и буквы

У нас на стене

От времени стерлись давно.

Но если от времени

Стерлась резьба, –

Преданье старинное есть

О том, как под сенью родного герба

На площади этой кипела борьба

За счастье, свободу и честь!

Вот что мог бы вам рассказать этот серебряный лев с городского герба. Но так как он говорить не умеет, за него расскажу я.

Вы знаете, кто я такая? Люди зовут меня бабушкой Тафаро. Вам это имя незнакомо? Нет? А вот жители города Мастеров, который скрывается за этим занавесом, часто приходят ко мне за добрым советом... Знаете ли вы, почему этот старинный город называется городом Мастеров? Потому что люди, которые в нем живут, умеют делать все на свете. Это настоящие мастера своего дела. Они чеканят серебряную, бронзовую и медную посуду, куют плуги, мечи и копья, ткют прекрасные ткани, режут по дереву и по камню. А какие у нас кружевницы! Они умеют плести кружева тоньше паутины. Какие у нас пирожники! Они умеют печь пироги, начиненные музыкой и живыми голубями, которые разлетаются, когда пирог подают на стол...

Все бы хорошо, – одно плохо...

Не знаю даже, как рассказать вам о том великом несчастье, которое обрушилось на наш город... Боюсь говорить... Как бы не услышали чужеземные солдаты! Они бродят по нашим улицам – смотрят, подслушивают, и стоит кому-нибудь сказать неугодное им словцо, его хватают и запирают в башню Молчания. Там стены без окон, а кругом глубокий ров, наполненный водой... Попасть в эту башню легко, а вот выйти из нее не легче, чем из могилы. И подумать только, что всего год назад мы жили вольно, весело, никому не кланяясь! Враги нагрянули на нас нежданно-негаданно. Силой и хитростью овладели нашим городом, а тех, кто мог поднять против них меч, казнили, изгнали или запертали в башню Молчания. С тех пор тихо и пустынно у нас на улицах. Люди перестали смеяться, плясать, петь веселые песни. Все со страхом оглядываются на замок, а там, как сыч в дупле, живет сам наместник. Это он издает все приказы о казнях и штрафах. Он запрещает старикам собираться по вечерам за стаканом вина, девушкам не велит петь за работой, а детям – играть на улицах. Но какой он из себя – никто не знает. Ни один житель города еще не видел его в лицо... Вот, друзья мои, какая беда стряслась над нашим городом. Ну, кажется, я заболталась с вами. Солнце уже взошло. Уйду-ка я отсюда, пока не попала на глаза солдатам наместника.

Она уходит. Занавес раздвигается. Площадь старинного города. Раннее, свежее утро. На площадь выходит замок наместника и несколько домов средневековой архитектуры, с выступами и балконами, в арках, нишах и порталах – лавчонки уличных торговцев. Сейчас они еще пустые. Против замка наместника, у решетчатых железных ворот, стоит часовой с алебардой в руках. У одного из домов растет дерево. На площади, кроме часового, только один человек. Это горбун Караколь, метельщик. Он молод, движется легко, ловко и стремительно, несмотря на свой горб. Лицо у него веселое и красивое. В шляпу воткнуто несколько ярких перьев. Куртка украшена веткой цветущей яблони. Караколь метет площадь и поет.

КАРАКОЛЬ.

Моя метла в лесу росла,
Росла в лесу зеленом.
Еще вчера она была
Осиной или кленом.
Была вчера на ней роса,
На ней сидели птицы,
Она слыхала голоса
Кукушки и синицы.
Моя метла в лесу росла
Над речкой говорливой.
Еще вчера она была –
Березой или ивой.

Часовой угрожающе ударяет о землю алебардой.

Вот как! И петь за работой нельзя! Может быть, господин наместник и птицам запретил петь?.. (Прислушивается к птичьему пересвисту.) Нет, поют по-прежнему. Только, они одни и остались вольными в нашем городе. Все переменялось у нас за последний год... Эти чужеземцы – такие неряхи! Площадь и не узнаешь с тех пор, как они сюда пожаловали. Ну да ничего! Все это мы выметем, выметем... Настанет время – весь сор уберем, и опять будет у нас чисто и хорошо. (Шаг за шагом приближается к часовому и подметает самых его ног.) А не угодно ли вам немного посторониться, почтенный чужеземец?

Часовой замахивается на него алебардой.

Не угодно? Ну, как хотите. Сор – к сору.

В замке бьют часы. Почти одновременно открывается лавка пирожника Ниноша. Над ней висит большой золоченый крендель. Неподдалеку отдергивается темная занавеска, прикрывающая нишу. Там сидит бабушка Тафаро. Она тасует свои карты и что-то варит в котелке.

НИНОШ. Доброе утро, бабушка Тафаро! А, и Караколь уже здесь!

БАБУШКА ТАФАРО. Доброе утро, доброе утро! Вы посмотрите, мастер Нинош, как сегодня принарядился наш Караколь! Что за праздник у тебя нынче, сынок?

КАРАКОЛЬ. Праздник-то небольшой, бабушка Тафаро: всего только день моего рождения.

БАБУШКА ТАФАРО. А ведь и верно! Как же это я забыла?! Восемнадцать лет назад в один день, в один час родились двое – ты и этот... ну, как его там... вот которого еще прозвали «Клик-Кляк».

НИНОШ. Вы, верно, говорите о Нанассе, сынке нового бургомистра Мушерона?

БАБУШКА ТАФАРО. О нем самом... Родились два мальчугана – только из одного вырос человек, а из другого – Клик-Кляк. Ну, поздравляю тебя, Караколь, с днем рождения.

КАРАКОЛЬ. Спасибо, бабушка Тафаро.

НИНОШ. И я поздравляю, дружок Караколь! Живи долго да распевай свои песенки, как молодой петушок. Дай-ка я угошу тебя своим первым сегодняшним пирогом.

КАРАКОЛЬ. Спасибо, дядюшка Нинош! Ну и пирог! Недаром же он вышел из печи лучшего мастера слойки и сдобы. Бабушка Тафаро, отведайте-ка моего праздничного пирога.

БАБУШКА ТАФАРО. Спасибо, сынок. А мне и подарить тебе нечего. Разве вот погадать ради дня твоего рождения?

КАРАКОЛЬ. А что мне гадать, бабушка Тафаро! Люди гадают на счастье, а мое счастье всегда при мне, как и горб на спине.

БАБУШКА ТАФАРО. Что верно, то верно. Есть у тебя свое счастье. Ты хоть и горбат, зато душа у тебя прямая. А бывает и наоборот. Ну-ка, посмотрим, какая судьба у тебя будет – прямая или кривая... (Разбрасывает по столу колоду карт.) Да... Так вот какие карты тебе выпали. Что ж! Счастлив будешь, красив будешь, женишься на первой красавице в городе. А ты не смейся! Нельзя смеяться, когда тебе гадают.

КАРАКОЛЬ. Уж лучше мне смеяться, чем плакать, бабушка Тафаро. Так она и пойдет за меня, за горбатого метельщика, первая красавица в городе.

Он оглядывается на дом, где живет старшина златошвейного цеха. В это время на балконе появляется дочь старшины – Вероника. Караколь снимает шляпу и кланяется. Она отвечает ему кивком головы.

БАБУШКА ТАФАРО. Кто знает, может ты не всегда метельщиком будешь. Метла-то у тебя к руке не приросла.

КАРАКОЛЬ. Зато горб к спине навсегда прирос.

БАБУШКА ТАФАРО. Может, так, а может, и не так... Вот мои карты говорят, что и горба у тебя не будет.

НИНОШ. Ой, перехватила ты, бабушка Тафаро!

БАБУШКА ТАФАРО. Поживем-увидим.

КАРАКОЛЬ. А когда же он отвалится, мой горб?

БАБУШКА ТАФАРО. Когда, когда!.. Так тебе все и скажи...

КАРАКОЛЬ. Ну, ради дня моего рождения!

БАБУШКА ТАФАРО. Ради дня рождения? Ладно уж, так и быть, слушай: когда маленький у большого меч из рук выбьет, а горбатого возьмет могила, тогда и ты и город от горба избавитесь.

КАРАКОЛЬ. Вон оно как! Значит, подожди, горбатый, пока тебя могила не исправит. А до той поры и с горбом походи. Ну что ж, и то ладно, мне не привыкать... Спасибо, бабушка, на добром слове.

ВЕРОНИКА (с балкона). А ты разве не знаешь, Караколь, что за гадание нельзя благодарить? А то не сбудется. Подойди-ка сюда! Отчего тебя так давно не было видно? Весь город по тебе соскучился. Утром никто не поет. Вечером никто не смеется. Ты где пропадал?

КАРАКОЛЬ. В лесу был, где метелки мои растут. Столько веников нарезал, что (в сторону часового) весь сор из города можно вымести. А вам, Вероника, эту веточку принес. Она уже расцвела. Первая в лесу...

ВЕРОНИКА. Спасибо, милый Караколь!

Караколь, взобравшись на выступ, подает Веронике ветку. Из-за дома выходит Тимолле.

ТИМОЛЛЕ. Здравствуй, Караколь! Ты возьмешь меня завтра с собой в лес, когда пойдешь за вениками? Ты обещал.

КАРАКОЛЬ. А, Тимолле! Здравствуй, мальчуган. Конечно, возьму если только жив буду.

ВЕРОНИКА. А мне ты обещал придумать новую песенку, Караколь. Или, может быть, ты не успел ее сочинить?

КАРАКОЛЬ. Что вы, Вероника, я всегда все успеваю! Только боюсь, что песенка моя не понравится...

ВЕРОНИКА. Кому? Мне?

КАРАКОЛЬ. Нет, вашему соседу, тому, кто прячется у нас в замке. Ну, да на всех не угодишь! Слушайте! (Поет.)

Кто от солнышка таится –
Верно, сам себя боится.
Змеи прячутся в земле,
Серый сыч сидит в дупле,
Скорпион ютится в ямке,
А наместник – в нашем замке...

Во время его пения выходит Нанасс – сын нового бургомистра Мушерона, прозванный «Клик-Кляк». Он долговяз, белобрыс, одет очень нарядно. На шляпе, на поясе, на башмаках у него блестящие пряжки. Увидев Караколя, он прислушивается. Вероника замечает его.

ВЕРОНИКА. Тсс!... Оглянись, Караколь!

КЛИК-КЛЯК. Доброе утро, прекрасная Вероника! Зачем этот горбун вскарабкался под самый ваш балкон?

ВЕРОНИКА. Он принес мне вот эту веточку.

КЛИК-КЛЯК. И ради этой веточки он залез так высоко? Нет, он что-то пел вам на ушко! Я слышал... Берегись, Караколь, ты сейчас свалишься, и у тебя вырастет второй горб.

КАРАКОЛЬ. Не бойся за меня, дорогой Клик-Кляк. Я умею не только взлетать вверх, но и спускаться вниз. (Легко соскакивает с выступа прямо на плечи Клик-Кляка, а потом на землю.)

КЛИК-КЛЯК (пригибается). А-ах!

КАРАКОЛЬ (заглядывая ему в лицо). Видишь, как это просто! А вот удастся ли так же ловко спрыгнуть на землю твоему папаше, нашему новому бургомистру? Уж больно он высоко забрался.

КЛИК-КЛЯК. Молчи, мерзкая улитка! Моего отца назначил бургомистром сам наместник. И за эти песни ты можешь угодить...

КАРАКОЛЬ. Куда?

КЛИК-КЛЯК. Известно куда... В башню Молчания.

ВЕРОНИКА. Знаешь что, Клик-Кляк: ты бы хорошо сделал, если бы убрался подальше от нашего дома. Прощай! (Она хочет уйти.)

КЛИК-КЛЯК (жалобно). Прекрасная Вероника! Куда же вы? Простите меня! У меня сегодня такой праздник – день моего рождения.

БАБУШКА ТАФАРО. Что правда, то правда. Ровно восемнадцать лет назад родился этот бедняга.

КЛИК-КЛЯК. Как ты смеешь называть меня беднягой, старуха? Кажется, в городе нет никого богаче нас, Мушеронов. Смотри, сколько у меня часов: золотые, серебряные, бриллиантовые!

БАБУШКА ТАФАРО. Часы-то, может, и золотые, да лоб медный.

КЛИК-КЛЯК. Что ты все бранишься? То бедный, то медный... Слушать я тебя больше не хочу. (Смотрит на часы.) Ого! Время бежит. Мне пора домой – переодеться к обеду. У нас сегодня обедают важные гости. Сам господин Гильом обещал прийти – первый советник самого наместника!

ВЕРОНИКА. Вот как! Сам господин Гильом? Вы уже и с ним успели подружиться?

КЛИК-КЛЯК. Еще бы!

КАРАКОЛЬ. Сор – к сору.

КЛИК-КЛЯК. Ты что такое бормочешь?

КАРАКОЛЬ. Ничего. Я улицу мету.

КЛИК-КЛЯК. Нет, следы заметаешь! Повтори, что ты сказал!

ВЕРОНИКА. Не сердись, Клик-Кляк. Скажи нам лучше: правда ли, что у господина Гильома есть волшебный меч.

КЛИК-КЛЯК. Правда. Я сам его видел. На этом мече вырезана такая мудреная надпись...

БАБУШКА ТАФАРО. А ты читал, что на нем написано?

КЛИК-КЛЯК. Разумеется, читал. На нем написано... Как это? Да!.. «Прямого сгибаю. Согнутого выпрямляю. Павшего поднимаю». Я думаю, что вся сила меча в этой самой надписи. Только что она значит, я еще не понимаю. И отец не понимает...

БАБУШКА ТАФАРО. «Прямого сгибаю. Согнутого выпрямляю. Павшего поднимаю». Это надо запомнить.

КЛИК-КЛЯК. Что? Запомнить? Это еще зачем? Какое тебе дело до рыцарского меча, старая нищенка? Знай свою клюку да карты.

БАБУШКА ТАФАРО. А по мне, моя клюка надежнее этого вашего рыцарского меча. На нее хоть опереться можно.

КЛИК-КЛЯК. Ты что – с ума сошла, старая? Да знаешь ли ты что это за меч? Это Гайан непобедимый, так его и зовут. Он волшебный!...

БАБУШКА ТАФАРО. Меч-то, может, и волшебный, да рука не заколдована.

КЛИК-КЛЯК. Уж не ты ли собираешься воевать с господином Гильомом?

БАБУШКА ТАФАРО. И посильнее меня найдутся.

КЛИК-КЛЯК. У нас в городе нет никого сильнее наместника и Гильома!

КАРАКОЛЬ. А ты забыл нашего Маленького Мартина, старшину оружейного цеха?

КЛИК-КЛЯК. Маленький Мартин! Ха-ха! Да стоит только господину Гильому взяться за рукоятку своего меча, как у вашего Маленького Мартина пятки засверкают!

КАРАКОЛЬ. Жаль, что здесь нет Маленького Мартина. Он бы тебя за эти слова погладил по головке. А рука у него тяжелая.

КЛИК-КЛЯК. Меня? По головке? Сына бургомистра?

КАРАКОЛЬ. Скажите на милость! Мою метлу тоже могут сделать бургомистром, если она будет с утра до ночи околачивать пороги у наместника.

КЛИК-КЛЯК. Что?! да как ты смеешь, горбун несчастный? А ну, повтори, что ты сказал... Я хорошенько запомню. Повтори, повтори.

ВЕРОНИКА. Да полно вам! Неужели ты не понимаешь шуток, Нанасс Мушерон?

КЛИК-КЛЯК. За такие шутки головы рубят!

ВЕРОНИКА. Успокойся, Мушерон, успокойся! Расскажи лучше про наместника. Какой он? Ты его видел в лицо?

КЛИК-КЛЯК. Его никто не видел. Разве его светлость станет ходить по улицам пешком? Его носят в закрытых носилках, украшенных золотом. А рядом с носилками идут солдаты и господин Гильом со своим волшебным мечом.

ВЕРОНИКА. И неужели наместник не покажется даже на майском празднике?

КЛИК-КЛЯК. Майского праздника в этом году не будет.

ВЕРОНИКА. Как не будет? (Поворачивается к дверям и кричит.) Отец, ты слышишь? Майского праздника не будет!

На площади останавливаются прохожие. На балкон выходит отец Вероники – Фирен.

ФИРЕН. Кто сказал, что майского праздника не будет?

БАБУШКА ТАФАРО. Да вот этот парень... Клик-Кляк.

1-Й ПРОХОЖИЙ. Неужели праздника не будет?

2-Й ПРОХОЖИЙ. Вот так новость!

ФИРЕН. Кто же это вздумал отменить наш праздник? Уж не твой ли папаша Мушерон, новый бургомистр?

КЛИК-КЛЯК. Он... то есть нет, не он... а Гильом, то есть Господьом... Ох, опять не то... Совсем запутался. Одним словом... Не Гильом, а его светлость сам господин наместник приказал Гильому отменить. праздник, потому что шум и пляски мешают ему спать. Поняли?

НИНОШ. Первая весна будет без праздника... Нечего сказать, дожили!..

ФИРЕН. А больше он ничего не говорил, этот ваш Гильом?

КЛИК-КЛЯК. Нет... То есть, да, говорил, конечно, но только я забыл, что он говорил.

БАБУШКА ТАФАРО. Да что вы его спрашиваете? Где ему, бедняге, все запомнить!

КЛИК-КЛЯК. Это ты, старая, ничего не помнишь, а я все помню! Господин Гильом сказал, что за шляпы будет сажать в тюрьму.

КАРАКОЛЬ. За шляпы – в тюрьму?

КЛИК-КЛЯК. Да, да, за шляпы!.. Кто не снимет шляпы перед господином наместником или перед господином Гильомом, того сейчас же посадят за решетку.

НИНОШ. До сих пор мы снимали шляпы перед теми, кого уважаем, да еще перед покойниками. А ведь эти господа еще не отправились на тот свет. Как же нам теперь быть?

КАРАКОЛЬ. Если у человека голова на плечах, а не только шляпа на голове, он уж придумает, как быть... (Взбирается на дерево, снимает шляпу и укрепляет ее в развилке ветвей.) Пускай в моей шляпе птица себе гнездо вьет, а я пока что и без шляпы похожу. Ну, что теперь с меня возьмешь? У кого нет шляпы, тот ее ни перед кем не снимает.

ПРОХОЖИЙ. Караколь, Караколь! Повесь на ветку и мою шляпу!

ГОЛОСА. И мою! И мою! Лови, Караколь!

Со всех сторон к Караколю летят шляпы. Он ловит их и развешивает на ветвях.

ВЕРОНИКА. Отец, принести твою шляпу?

ФИРЕН. Опомнись, дитя мое! Где же это видано, чтобы в шляпе бывшего бургомистра, старшины златошвейного цеха, галка или ворона вила себе гнездо? Ну, да уж коли на то пошло, принеси обе – и будничную и праздничную. (Вероника убегает и приносит шляпы Фирена.)

ВЕРОНИКА. Вот, Караколь, лови!

КАРАКОЛЬ. Ну, черную я повешу пониже, а золотую на самый верх. Вот так! (Любуясь своей работой.) Значит, ваше золото, мастер Фирен, будет теперь блестеть на дереве, а серебро – у вас на голове! А что же ты, Клик-Кляк? Куда повесить твою шляпу?

КЛИК-КЛЯК (придерживает шляпу обеими руками). Не отдам!

НИНОШ. Да зачем она тебе?

КЛИК-КЛЯК. Мало ли что выдумает этот горбун! Я буду ходить в шляпе! Я сын бургомистра.

Стук барабана. Часовой у замка вытягивается в струнку. На площадь со стороны, противоположной замку выходит процессия: барабанщик, за ним два латника, затем богатые, наглухо закрытые носилки и опять латники. Рядом с носилками идет рослый угрюмый человек в темном кафтане и темном плаще. Это Гильом. Он поднимает руку, и вся процессия останавливается. На площади наступает полная тишина.

ГИЛЬОМ. Что такое? Что здесь происходит?

Молчание.

Почему на дереве шляпы?

КАРАКОЛЬ (с дерева). Это наш старый городской обычай, ваша милость, отдавать свои шляпы весенним птицам для их будущих птенцов.

ГИЛЬОМ. Станный обычай... (Наклоняется, чуть раздвигает занавески и что-то тихо говорит тому, кто сидит в носилках. Потом, выпрямившись, грозно спрашивает.) Как зовут человека, который сидит на дереве?

КАРАКОЛЬ. Я Караколь – метельщик, ваша милость.

ГИЛЬОМ. А если ты метельщик, почему же ты сидишь на дереве?

КАРАКОЛЬ. Такой уж обычай у метельщиков, ваша милость.

ГИЛЬОМ. Опять обычай?

КАРАКОЛЬ. Ну да. Ведь наши метлы растут на деревьях. Вот приходится нам по сучьям лазить, ветки ломать. Наломашь, свяжешь метелку, а потом и метешь улицу.

В толпе сдержанный смех.

ГИЛЬОМ. Ты что – смеешься над нами? Кто позволил тебе ломать ветки на дереве, которое растет перед замком его светлости? Ты ответишь за это! И ты и все, кто толпится на этой площади. (Солдатам.) А ну-ка, берите этого! И вон этого! И того! (Показывает пальцем на кого попало.)

КЛИК-КЛЯК (бросаясь к нему). Ваша милость! Разве вы меня не знаете?

ГИЛЬОМ (несколько секунд неподвижно смотрит на него). Взять!

Солдаты хватают Клик-Кляка.

Держите его крепче! Это, видно, главный зачинщик. Все кругом без шляп, а он один осмеливается стоять перед носилками его светлости, не снимая шляпы.

КАРАКОЛЬ. Видишь, Клик-Кляк! Говорили тебе: сними шляпу, сними шляпу! А ты не хотел. Вот теперь мы все без шляп, а ты в шляпе.

КЛИК-КЛЯК (срывая с себя шляпу и падая на колени). Господин Гильом! Выслушайте меня! Они все сняли шляпы, чтобы не снимать шляп, а я не снял шляпу, чтобы снимать ее перед вами... Клянусь вам!

ГИЛЬОМ. Что такое он болтает, этот человек? Он сумасшедший?

КАРАКОЛЬ. Угадали, ваша милость.

БАБУШКА ТАФАРО. От рождения такой... Ничего не поделаешь.

ГИЛЬОМ. Как тебя зовут?

КАРАКОЛЬ. Клик-Кляк.

ГИЛЬОМ. Что?

КЛИК-КЛЯК. Не слушайте его, ваша милость! Меня зовут Нанасс Мушерон. Я сын бургомистра Мушерона. А Клик-Кляк – это мое прозвище.

ГИЛЬОМ. Сын бургомистра Мушерона? Как же вам не стыдно вести себя так на улице? (Наклоняется к носилкам и что-то говорит наместнику. Потом громко солдатам.) Отведите его к отцу и скажите, чтобы он никуда не пускал его одного.

Клик-Кляка уводят.

ГИЛЬОМ. А этого шута (показывает на Караколя) сейчас же снять с дерева!

СОЛДАТ. Которого? Горбатого?

Носилки сильно вздрагивают.

ГИЛЬОМ. Тссс!.. Тише ты! Осел! Делай, что приказывают!

НИНОШ. Что? Караколя взять?

ГОЛОСА. Не дадим Караколя! Прячься, Караколь! Сюда, Караколь! Перебирайся на крышу! Мартин! Где Маленький Мартин? Где оружейники?

Через толпу проталкивается человек такого же роста, как Гильом, если не больше. За ним – несколько рослых парней.

МАЛЕНЬКИЙ МАРТИН. Кто меня звал? (Быстро оглядывается.) Вот я! А ну, Караколь! Прыгай сюда! Уж мы тебя в обиду не дадим.

Караколь соскакивает с дерева. Оружейники его окружают.

ГИЛЬОМ. Рубите их!

Латники замахиваются алебардами. Оружейники хватаются за ножи, В это время из-за занавесок носилок высовывается тощая рука и касается плаща Гильома.

Стойте! (Латники опускают алебарды. Гильом наклоняется к носилкам. Почтительно слушает. Потом, выпрямившись, говорит громко.) На этот раз его светлость милостиво прощает вас, но за дерзкое ослушание город повинен заплатить в казну его светлости по триста золотых с каждого цеха. А сейчас мирно разойдите по домам и занимайтесь своим обычными делами. (Он делает знак рукой. Барабанная дробь. Носилки трогаются. Вдруг из-за занавесок опять высовывается рука. Шествие останавливается. Гильом наклоняется и слушает, что говорит наместник.) Его светлость желает знать, почему человек столь высокого роста называется Маленьким Мартином.

МАРТИН. Почему? Да, видно, потому, что я еще не дорос до моего деда. Старик на добрые две головы выше меня.

ГИЛЬОМ (наклоняется к носилкам). Его светлость спрашивает: жив ли еще твой дед?

МАРТИН. Он и мертвый переживет, пожалуй, нас с вами.

ГИЛЬОМ. Что ты хочешь сказать?

МАРТИН. Я ничего не хочу сказать. Это вам угодно меня спрашивать.

ГИЛЬОМ. Отвечай прямо. Если дед твой еще не умер, то где он живет?

МАРТИН. Повсюду! В рассказах наших стариков, в песнях наших девушек, в играх наших мальчишек. Да вот эта площадь, на которой вы изволите со мной разговаривать, называется площадью Большого Мартина. Он был первым старшиной оружейного цеха, мой дед, и научил нас ковать славные мечи и не худо владеть ими.

ГИЛЬОМ. Ну, ты! На вопросы отвечай, а лишнего не говори. А то замолчишь навсегда.

Опять барабанная дробь. Носилки удаляются. На площади остаются двое солдат, разгоняющих людей.

Солдаты. По домам! По домам!

МАРТИН. Идем с нами, Караколь. Поживешь у меня. На улице Оружейников тебя не тронут.

КАРАКОЛЬ. Спасибо, Маленький Мартин. Я знаю, с вами, оружейниками, не пропадешь.

СОЛДАТЫ. По домам!

МАРТИН. Что верно, то верно. Пора нам домой, за дело. (Тихо Караколю.) На нашу работу теперь большой спрос. Не успеешь сделать меч, как его уже покупают.

КАРАКОЛЬ. Прощайте, бабушка Тафаро! Прощайте, Вероника!

ФИРЕН. Прощайте оба! Спасибо вам за сегодняшнее представление.

ВЕРОНИКА. Караколю – за хорошее начало, а Маленькому Мартину – за добрый конец...

СОЛДАТЫ. Расходитесь! По домам!

Все уходят. Остаются только Вероника и бабушка Тафаро.

БАБУШКА ТАФАРО. Что за парень наш Караколь! Пусть он горбат, а все равно я не пожелала бы лучшего жениха ни одной из наших красавиц. А ты, Вероника?

ВЕРОНИКА. А я, сказать по правде, и не замечаю, что у него горб.

БАБУШКА ТАФАРО. Вон ты какая зоркая! Ну что ж, глаза тебя не обманывают.

ВЕРОНИКА. Только страшно мне за него, бабушка!.. Каждое утро я просыпаюсь в тревоге – жив ли он, на свободе ли еще, увидим ли мы его на этой площади. А ведь подумай сама: без него мы жили бы, как в тюрьме. Недаром чужеземцы не спускают с него глаз. Караколь – простой метельщик, он беден, он горбат, но люди в замке хорошо знают цену его шуткам и песням. Да и как не знать! Когда Караколь шутит, мы смеемся. А когда смеемся, перестаем бояться.

На площадь выходит солдат.

СОЛДАТ. А вы что здесь разболтались? По домам!

БАБУШКА ТАФАРО. Мы и так у себя дома. А вот вы в гостях, хоть вас никто не звал. Шли бы к себе домой подобра-поздорову!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Замок наместника. Мрачная и пышная комната. Тяжелые драпировки. У стола высокое кресло, обращенное к зрителям спинкой. В нем сидит наместник, но его пока не видно. Сбоку стоит Гильом. Он с поклоном подает наместнику бумагу за бумагой на подпись. Наместник молча подписывает их и возвращает. Зритель видит только его сухую руку в кружевном манжете.

НАМЕСТНИК. Все указы подписаны?

ГИЛЬОМ. Все, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Бургомистру велено явиться в замок?

ГИЛЬОМ. Он с утра здесь, ваша светлость. Ждет в передней, вместе со своим сыном.

НАМЕСТНИК. Позвать обоих!

ГИЛЬОМ (открывает дверь). Позвать бургомистра с сыном!

НАМЕСТНИК. Узнай все что можно, про этого метельщика, который сидел на дереве. Почему весь город застывает за него? Что за человек этот великан, которого называют Маленьким Мартином? Что говорят о казнях и штрафах? Что думают обо мне? Спрашивать будешь ты.

ГИЛЬОМ. Слушаю, ваша светлость.

В комнату входят Клик-Кляк с отцом. Оба низко кланяются.

МУШЕРОН. Добрый день, господин Гильом. Осмелюсь спросить вас, как здоровье его светлости?

ГИЛЬОМ. Благодарю вас, бургомистр Мушерон. Его светлость пребывает в полном здоровье. Ну, расскажите нам, что говорят в городе.

МУШЕРОН. О чем, господин Гильом?

ГИЛЬОМ. О последних наших приказах, о казнях, о штрафах, наложенных на город... Ну, и о том, что думают и говорят о его светлости.

МУШЕРОН. Все, от мала до велика, благословляют его светлость.

НАМЕСТНИК (не оборачиваясь, тихо, но отчетливо). Не лгите!

Отец и сын вздрагивают, оба со страхом смотрят на спинку кресла, из-за которой раздался голос.

ГИЛЬОМ. Не смейте лгать, бургомистр! Попробуем узнать правду у вашего сына. Надеюсь, молодой лисенок еще не успел перенять все уловки старой лисы. (Клик-Кляку.) Что говорят про нас в городе?

КЛИК-КЛЯК. Проклинают, ваша милость.

ГИЛЬОМ. Кто же?

КЛИК-КЛЯК. Все, ваша милость. От мала до велика!

ГИЛЬОМ. Ну, господин Мушерон, ваш сын, как видно, не похож на вас. Если у вас лисий хвост, то у него ослиные уши.

КЛИК-КЛЯК. Простите, господин Гильом... Я совсем не то хотел сказать... Я думал...

ГИЛЬОМ. Вы сказали именно то, что думали. Отвечайте: почему па дереве против замка вчера висело столько шляп? Правда ли, что у вас такой обычай?

КЛИК-КЛЯК. Правда... То есть я хотел сказать – неправда! Они повесили шляпы на дерево, чтобы не снимать их перед его светлостью.

ГИЛЬОМ. Вот как! Кто же это придумал?

КЛИК-КЛЯК. Да кто же, как не этот проклятый горбун!

Кресло наместника скрипит. Гильом испуганно косится на него.

ГИЛЬОМ. Тише! Вы хотите сказать, тот метельщик, который сидел на дереве?

КЛИК-КЛЯК. Да, да, горбатый метельщик.

ГИЛЬОМ. Называйте людей по именам.

КЛИК-КЛЯК. Ну, этот горбун Караколь. ваша милость.

ГИЛЬОМ. Так и говорите: Караколь! А что это за диковинное имя – Караколь?

КЛИК-КЛЯК. Это не имя, а прозвище. На самом деле его зовут Жильберт. А Караколь – это по-нашему «улитка». Если вы видели когда-нибудь улитку, ваша милость, вы знаете, что у нее на спине раковина, вроде горба. Вот горбатого Караколя и прозвали Караколем за то, что у него на спине горб.

ГИЛЬОМ. Вы сказали, что его зовут Жильберт. Ну и говорите – Жильберт!

Клик-Кляк хохочет.

Что с вами?

КЛИК-КЛЯК (хохочет). Я не могу! Горбатый Караколь – Жильберт! Горбатый Караколь – Жильберт! Уж лучше я буду говорить попросту – горбун!

ГИЛЬОМ (бросается к нему и зажимает ему рот). Молчать щенок!

МУШЕРОН (замахивается на него). Молчи, осел!

Клик-Кляк в страхе вырывается от них и бежит в сторону кресла.

ГИЛЬОМ. Стой! Куда?

Кляк-Кляк, не слушая, добегают до кресла и вдруг, оцепенев, останавливается.

КЛИК-КЛЯК. А-ах! (Пятится назад.) Там... там сидит кто-то вроде Караколя, только очень страшный...

ГИЛЬОМ. Какие дьяволы принесли сюда этого дурака? Да знаешь ли ты, о ком говоришь? Ведь это... его светлость.

Кресло медленно отодвигается, и на середину комнаты выходит наместник. На спине у него горб гораздо больше, чем горб Караколя.

МУШЕРОН. А-ах!

НАМЕСТНИК (невозмутимо). Я знаю, что вы оба преданы мне, и поэтому удостоил вас чести видеть меня и беседовать со мной.

МУШЕРОН. Мы так счастливы, ваша светлость (Кланяется.)

КЛИК-КЛЯК. Счастливы... светлость... (Кланяется.)

НАМЕСТНИК. А теперь скажите мне: за что у вас в городе так любят этого метельщика со странным прозвищем?

МУШЕРОН. Ваша светлость, жители нашего города очень любят петь за работой, а метельщик Жильберт знает много песен.

КЛИК-КЛЯК. И даже сам умеет сочинять!

НАМЕСТНИК. Метельщик сочиняет песни? Это забавно. Какие же это песни? Вы их знаете?

МУШЕРОН. Нет, не знаем, ваша светлость.

КЛИК-КЛЯК. А я знаю. Очень смешные песни! (Отец дергает его за рукав, но он не обращает на это внимания.) Я даже знаю одну наизусть и могу спеть. Конечно, если вам угодно.

НАМЕСТНИК. Пожалуй.

КЛИК-КЛЯК (поет, старательно выговаривая слова).

Кто от солнышка таится –

Верно, сам себя боится.

Змеи прячутся в земле,

Серый сыч сидит в дупле,

Скорпион ютится в ямке,

А наместник – в нашем замке!

МУШЕРОН (шепотом). Нанасс!

ГИЛЬОМ (делая ему знаки). Молчи!

КЛИК-КЛЯК (отмахиваясь от них). Пойдите, еще не все. Как там?..

Скорпион ютится в ямке,

А наместник – в нашем замке.

До сих пор не знаю я,

Кто он – сыч или змея?

Вот такая дерзкая песня! И поет ее весь город. даже я запомнил. А сочинил ее этот горбун Караколь! (Пугается и зажимает себе рот.) Я хотел сказать – этот горбатый Жильберт! Простите, ваша светлость, горбатый Караколь!.. (Вытирает со лба пот.)

ГИЛЬОМ. Ваша светлость, прикажите прогнать этого болтуна!

НАМЕСТНИК. Нет... Так, значит, песню сочинил он? А кто его друзья?

КЛИК-КЛЯК. Весь город, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Вот как! А этот великан – он тоже друг метельщика?

МУШЕРОН. Вы говорите о Маленьком Мартине, ваша светлость? Ну, еще бы! Они большие друзья. Сказать вам по секрету: этот Маленький Мартин – старшина оружейного цеха – очень опасный человек. А его слово для всех оружейников – закон.

НАМЕСТНИК. Опасный, говоришь?.. Гильом, сегодня же переселить этого оружейника в башню Молчания. да заодно и десяток его приятелей, – остальные станут помирнее. Слышишь?

ГИЛЬОМ. Будет исполнено, ваша светлость.

НАМЕСТНИК (Клик-Кляку). Ну, а ты? Ты тоже дружишь с этим метельщиком?

КЛИК-КЛЯК. Что вы, ваша светлость! Я его ненавижу. Он смеется надо мной. Пока его нет – все хорошо, а как только он появится, сразу всем кажется, будто я дурак. Это очень неприятно, ваша светлость!

НАМЕСТНИК. Я думаю!

КЛИК-КЛЯК. А хуже всего, ваша светлость, что он смеется надо мной при Веронике.

НАМЕСТНИК. А кто она такая, эта Вероника?

КЛИК-КЛЯК. О! Это первая красавица в нашем городе! Если бы ее увидели, клянусь вам, даже вы влюбились бы в нее. (Фыркает в кулак.)

МУШЕРОН (дергает сына за рукав). Придержи язык, Нанасс! Вероника, ваша светлость, – это дочь прежнего бургомистра, старшины златошвейного цеха – Фирена.

НАМЕСТНИК. И она на самом деле так хороша?

МУШЕРОН. Лучше ее не сыщешь во всей стране, ваша светлость!

НАМЕСТНИК. Вот как! Гильом, почему ты до сих пор ничего не говорил мне о ней?

ГИЛЬОМ. Я сам слышу это имя впервые, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Ты должен все слышать и все видеть. (Клик-Кляку.) Так тебе, значит, нравится Вероника, маленький Мушерон? Ты хочешь па ней жениться? А что она? Согласна выйти за тебя замуж?

КЛИК-КЛЯК. Нет. Это очень странная девушка, ваша светлость. Мне даже кажется, что она влюблена в кого-то другого.

НАМЕСТНИК. В кого же?

КЛИК-КЛЯК. Либо в Маленького Мартина либо в Караколя. Но Мартин женат, а Караколь горбат. Поэтому я надеюсь, что она все-таки когда-нибудь согласится выйти замуж за меня.

НАМЕСТНИК. Я тоже надеюсь. Мы сыграем эту свадьбу, Гильом! Будет неплохо, если дочь старого бургомистра выйдет за сына нового бургомистра. Может быть, и в городе после этого брака станет спокойнее.

КЛИК-КЛЯК (в восторге). Благодарю вас, ваша светлость! Я так счастлив! Вот уж когда я посмеюсь над Караколем!..

МУШЕРОН. Ваша светлость, бывший бургомистр не отдаст свою дочь за моего сына. Это суровый, упрямый старик.

НАМЕСТНИК. Будь спокоен. Если передо мной не устояли стены вашего города, то не устоит и прежний его бургомистр. Гильом, пусть старика вместе дочкой позовут ко мне в замок. Сейчас же!

Гильом кланяется и уходит.

КЛИК-КЛЯК. А когда же будет моя свадьба, ваша светлость?

НАМЕСТНИК. А вот когда ты избавишь город от этого дерзкого метельщика.

КЛИК-КЛЯК. От горбатого Караколя? Легко сказать! Знаете что? Прикажите лучше отрубить ему голову – н все тут. Говорят, что ваш господин Гильом делает это очень ловко.

Входит Гильом.

НАМЕСТНИК. Ну, если ты так боишься этого метельщика, то верно, он и вправду чего-нибудь да стоит. Уж не женить ли нам лучше его на Веронике, как ты полагаешь, Гильом?

ГИЛЬОМ. Это будет прекрасная пара, ваша светлость.

КЛИК-КЛЯК. Что вы, господин Гильом! Какая же это пара! Прекрасная Вероника – и несчастный горбун! Скажут тоже! Да ей и на улице нельзя будет показаться рядом с этим горбатым уродом. Ей придется прятаться от людей, как его светлости.

НАМЕСТНИК (в бешенстве хватает его за горло длинными цепкими руками). Если ты скажешь еще хоть одно слово...

ГИЛЬОМ (тоже бросается на Клик-Кляка). Мы задавим тебя, как мышшь!

КЛИК-КЛЯК (задыхаясь). Ваша... светлость!

НАМЕСТНИК. Ну? Что ты хочешь сказать, дружок? Я вижу, ты берешься избавить город от метельщика?

КЛИК-КЛЯК. Берусь.

НАМЕСТНИК (отпуская его, говорит совершенно спокойно). Вот и отлично, милейший Мушерон. Давно бы так!

КЛИК-КЛЯК. Только я не знаю, как это сделать... Ведь стоит ему закричать, как со всех улиц к нему сбегутся на помощь.

НАМЕСТНИК. А разве он никогда не уходит из города?

КЛИК-КЛЯК. Нет, часто. Почти каждый день. Он ходит в лес ломать ветки для своих метелок.

НАМЕСТНИК. Ну, значит, дело твое совсем нетрудное. На всякого зверя есть западня. И на двуногого тоже. Если какой-нибудь человек пойдет в лес, а на пути ему попадет глубокая яма, хорошо прикрытая ветками, он может провалиться в нее, и никто даже не узнает, что с ним случилось. А человек умрет в яме от голода.

КЛИК-КЛЯК. Это верно, ваша светлость. Только там нет такой ямы.

НАМЕСТНИК. Если вырыть – будет... Бургомистр Мушерон, вы умный человек. Научите сына, как надо рыть яму ближнему.

МУШЕРОН. Постараюсь, ваша светлость.

ГИЛЬОМ (выглянув в дверь). Ваша светлость, мастер златошвейного цеха Фирен и его дочь Вероника прибыли в замок.

НАМЕСТНИК. Прекрасно! Видишь, Нанасс Мушерон, у меня слово не расходится с делом, сейчас же начнем и сватовство. Надеюсь, что ты так же быстро упрячешь метельщика в яму, как я выдам за тебя Веронику.

КЛИК-КЛЯК. Не беспокойтесь, ваша светлость! Этот Караколь мне так же мешает, как и вам.

НАМЕСТНИК. А сейчас, чтобы не смущать девушку, тебе лучше оставить нас одних... Гильом, проводи жениха и пригласи сюда невесту.

Гильом и Клик-Кляк уходят. Наместник садится в кресло так, что его почти не видно. В комнату входят Фирен, Вероника и Гильом.

ФИРЕН. Господин Гильом! Доложите о нас герцогу. Мы явились по его приказу.

ГИЛЬОМ. Его светлость здесь.

НАМЕСТНИК (любезно улыбаясь). Здравствуйте, сударыня! Здравствуйте, мастер Фирен!

ВЕРОНИКА (с ужасом всматривается в него). Ах, боже мой! Здравствуйте, ваша светлость!

ФИРЕН. Добрый день, ваша светлость!

НАМЕСТНИК (оглядывая Веронику). Должен признаться, бургомистр Мушерон, что у вашего сына недурной вкус. Девушка чрезвычайно хороша собой.

ФИРЕН (сухо). Вы нас вызвали по какому-нибудь делу, ваша светлость?

НАМЕСТНИК. Не торопитесь, мастер Фирен. Дорогой Гильом, не кажется ли тебе, что молодой Мушерон выбрал дерево не по плечу?

ГИЛЬОМ. Вы правы, ваша светлость, эта девушка достойна лучшей участи.

НАМЕСТНИК. Однако я обещал посватать ее... Так, вот, мастер Фирен, не думаете ли вы, что вам пора выдать вашу прекрасную дочь замуж?

ФИРЕН. Я надеюсь, ваша светлость, что вы позволите мне самому позаботиться о судьбе моей дочери.

НАМЕСТНИК. Я не отнимаю у вас ваших отцовских прав, мастер, но для блага города, о котором я вынужден заботиться, я бы хотел помирить и даже породнить два почтенных семейства – ваше и семью бургомистра Мушерона... Что же вы медлите, дорогой Мушерон? Просите руки прекрасной Вероники для своего сына.

МУШЕРОН (вкрадчиво). Мы с вами, дорогой мастер Фирен, знаем друг друга с детства. Ваша дочь выросла у меня на глазах, мой сын – у вас на глазах...

ФИРЕН. Это верно, я очень хорошо знаю вас и вашего сына. Поэтому оставим лучше этот разговор... Ваша светлость, если у вас нет ко мне другого дела, разрешите нам удалиться.

НАМЕСТНИК. Ну что ж, пожалуй! Гильом, проводи мастера Фирена и бургомистра.

ВЕРОНИКА, ФИРЕН и МУШЕРОН (вместе). Прощайте, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Прощайте! Но вас, прекрасная Вероника, я попрошу задержаться еще ненадолго.

ВЕРОНИКА. Отец!..

ФИРЕН. Позвольте и мне остаться вместе с дочерью, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Ваша дочь через несколько минут передаст вам все, что я ей скажу. До скорого свидания, мастер Фирен.

Фирен, Мушерон и Гильом уходят.

НАМЕСТНИК. Прекрасная гостья, согласны ли вы выйти замуж за молодого Мушерона? Он, кажется, сходит с ума от любви к вам.

ВЕРОНИКА. Простите, сударь, у него никогда и не было ума!

НАМЕСТНИК. Но зато у него много денег и умный отец. Да и сват у него сам герцог де Маликорн. Ну, что вы скажете?

ВЕРОНИКА. Ваша светлость, вы можете изгнать меня из города или даже запереть в башню Молчания, как многих наших друзей...

НАМЕСТНИК. О, когда вы сердитесь, Вероника, вы становитесь еще лучше!

ВЕРОНИКА. Ваша светлость, если вы человек...

НАМЕСТНИК. А кто же я?

ВЕРОНИКА. Не знаю... Но если у вас есть сердце, позвольте мне остаться с отцом...
(Она закрывает лицо руками.)

НАМЕСТНИК. Опустите руки, Вероника. Я хочу посмотреть, как плачете.

ВЕРОНИКА. Не смейтесь надо мной!

НАМЕСТНИК. Я не смеюсь. Но слезы вам к лицу!

ВЕРОНИКА. Вы вольны говорить и делать все, что захотите. В нашем городе нельзя дышать с тех пор, как он у вас в руках. И все же вам не удастся выдать меня замуж за вашего шута Клик-Кляка!

НАМЕСТНИК (смеется). Так вы не хотите за него замуж, Вероника? Ну что ж! Пожалуй, вы правы. Он и в самом деле недостоин такой гордой и прекрасной девушки. Я не выдам вас за него. И если вы пожелаете, отпущу на свободу кое-кого из ваших друзей, верну вашему отцу цепь бургомистра, а городу – многие из его прав и вольностей. Вы удивлены? Вы, кажется, не ждали этого от меня, прекрасная Вероника?

ВЕРОНИКА. Не ждала, ваша светлость.

НАМЕСТНИК. Еще бы! Вам, наверное, говорили, что я чудовище, что я никого не жалею и никого не милую?

ВЕРОНИКА. Да, так говорят.

НАМЕСТНИК. Ну, вот видите! А я могу и пожалеть и простить. Я могу сделать человека несчастным, а могу его и осчастливить. Вас я хотел бы видеть счастливой. В знак глубокого расположения к вам примите этот скромный подарок. (Снимает с пальца кольцо и протягивает ей.)

ВЕРОНИКА. Что это?

НАМЕСТНИК. Кольцо. Я ношу на руке всего два перстня. Один, с моей фамильной печатью, достался мне от отца, другой – от матери. Это ее обручальное кольцо. Возьмите его – оно ваше.

ВЕРОНИКА. Зачем оно мне?

НАМЕСТНИК. Вы будете моей женой.

ВЕРОНИКА (отшатываясь). Вашей женой? Нет! Лучше умереть! (Бросается к двери, наместник преграждает ей дорогу.)

НАМЕСТНИК. Подождите! Это ваша судьба. Вы будете хозяйкой этого города, самой знатной дамой в стране, герцогиней, женой наместника.

ВЕРОНИКА. Нет! Прикажите лучше казнить меня!..

НАМЕСТНИК. Мое слово – закон. Свадьба – через три дня. Готовьтесь к ней! (Он открывает дверь и с низким поклоном пропускает Веронику.)

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Укромная лесная полянка. Деревья. Кусты. Ранний рассвет. На полянке с лопатой в руках работает Клик-Кляк.

КЛИК-КЛЯК. Уф! Никогда еще в жизни так не работал. А вот ради Вероники стараюсь... Чтобы жениться на ней, надо закопать в землю этого проклятого горбуна Караколя! Вот и рой яму, натирай мозоли!

Вдали слышен охотничий рог.

Ого, наместник со своими егерями уже в лесу. Пойду доложу – пусть посмотрит на мою работу. (Быстро ломает ветки, закрывает вырытую яму и уходит.)

Некоторое время сцена пуста. Затем появляются Караколь и Тимолле с вязанками ветвей.

ТИМОЛЛЕ. Караколь, а волки в этом лесу есть?

КАРАКОЛЬ. Ягоды есть, грибы есть, а вот волков я что-то не встречал. А ты волков боишься?

ТИМОЛЛЕ. Боюсь немного.

КАРАКОЛЬ. Летом волк не страшен, а вот двуногие волки опасны во всякое время.

Опять слышен далекий рог.

Слышишь? Это сам наместник сегодня выехал на охоту. Вот этих волков надо опасаться. (Замечает яму.) Осторожно, Тимолле!

ТИМОЛЛЕ. Что это?

КАРАКОЛЬ. Кто-то здесь яму вырыл. Западню, и глубокую... Вырыть-то вырыл, да прикрыл плохо. Сразу видно: горе-охотник!

ТИМОЛЛЕ. Это волчья яма, Караколь?

КАРАКОЛЬ. Не знаю, Тимолле, не знаю... На всякий случай надо и нам оставить тут какую-нибудь примету, чтобы на обратном пути не угодить в нее ненароком. (Он развязывает свою вязанку и бросает несколько веток крест-накрест поверх ямы.) Ну вот, а теперь пойдём дальше, нам еще ольховых веток наломать надо.

Оба уходят. Спустя немного времени из кустов с противоположной стороны выходят Клик-Кляк и наместник. Наместник в длинном плаще.

КЛИК-КЛЯК. Вот велите мне отрубить голову, ваша светлость, если Караколь не угодит в мою яму. Он каждый день здесь ходит. А только где же яма? Кажется, я вырыл ее на этой полянке... Вот так раз! Пропала. А может, она в другом месте? Не помню что-то...

НАМЕСТНИК. Примету оставил?

КЛИК-КЛЯК. Да, оставил. Только забыл, какую и где.

НАМЕСТНИК. Дурак! Да что у тебя головы нет, что ли?

КЛИК-КЛЯК. Как это нет, ваша светлость? Есть. Вот она.

НАМЕСТНИК. Ну, так ее не будет.

КЛИК-КЛЯК. Полноте, ваша светлость, полноте!.. Я уже вспомнил. Она где-то... здесь... Направо... Нет, налево... То есть направо! Только осторожнее!..

Он увлекает наместника через полянку, и оба с криком проваливаются в яму. Из ямы раздается вопль: «Помогите! Спасите!» На крик прибегает Караколь.

КАРАКОЛЬ (наклоняясь над ямой). Кто там?

КЛИК-КЛЯК (жалобно из ямы). А ты кто? Спаси меня, я тебе заплачу за это! У меня много денег.

КАРАКОЛЬ. Чудак какой-то! Да разве за это деньги берут? Лови веревку! (Он опускает в яму веревку и вытаскивает Клик-Кляка.) Клик-Кляк!.. Ты как здесь очутился?

КЛИК-КЛЯК. Ах, это ты, Караколь? А я... я, видишь ли... это самое... Ты понимаешь...

КАРАКОЛЬ. Одно я понимаю: напрасно я тебя из ямы вытащил. Сидел бы ты в ней тихонько и людям не мешал.

КЛИК-КЛЯК. Что ты, Караколь! Мне некогда сидеть в яме. У меня скоро свадьба. Наместник обещал женить меня на Веронике.

КАРАКОЛЬ. Ах, вот оно что! Ну, так полезай обратно в яму! Слышишь? Сейчас же полезай! (Подталкивает его к яме.)

КЛИК-КЛЯК (хнычет). Оставь, Караколь! Пусти! Не хочу я в яму. Там темно и страшно.

КАРАКОЛЬ. Полезай, жених, в яму, полезай!

КЛИК-КЛЯК. Да не собираюсь я вовсе жениться на Веронике! Я пошутил. Клянусь тебе! Только пусти... Ну, сам подумай, разве мастер Фирен отдаст ее за меня?

КАРАКОЛЬ. Ты же сам сказал, что наместник тебя на ней женит.

КЛИК-КЛЯК. Мало ли что я говорил! Да пропади он совсем, этот наместник!

НАМЕСТНИК (из ямы). Мушерон!

КЛИК-КЛЯК. Ох, я и забыл совсем... Простите, ваша...

НАМЕСТНИК (спокойно). погоди, Мушерон!.. послушай, метельщик: я Бистеколь, хранитель печати его светлости господина наместника. Вытащи меня отсюда, и я тебя награжу по-королевски.

КАРАКОЛЬ. Кто это там, Клик-Кляк?

КЛИК-КЛЯК. Это... это... хранитель печати его светлости.

КАРАКОЛЬ. Очень хорошо! Пускай он и хранит свою печать в яме. А ты будешь ему помогать. Целее будет.

НАМЕСТНИК. послушай, метельщик. Не смейся над печатью наместника. Эта печать может послать человека на плаху, но она же может избавить тысячи людей от казни, от тюрьмы, от изгнания. Перед ней открываются все затворы и замки. Если ты сможешь мне выбраться из ямы, я дам тебе печать на целых три дня. Делай с ней что хочешь. Подумай: три дня ты будешь править своим городом. За это время можно многое сделать.

КАРАКОЛЬ (подумав). Что же, цена сходная. Скажите, господин Бистеколь, печать-то в самом деле при вас?

НАМЕСТНИК. Перстень с печатью наместника всегда при мне. спусти веревку, и ты убедишься в этом.

КАРАКОЛЬ. Пожалуй. Только я спущу вам сначала не веревку, а веревочку. Перстень-то она выдержит, а вот вашу милость вряд ли.

НАМЕСТНИК. А если ты возьмешь перстень, а меня оставишь здесь в яме?

КАРАКОЛЬ. Не верите? Ну, как вам угодно. Живите себе в этой берлоге, пока живется. Одно могу вам сказать: Караколь еще никогда никого не обманывал.

НАМЕСТНИК. спускай веревку!

КАРАКОЛЬ. Веревочку?... Веревочку спускаю... Привязали?

НАМЕСТНИК. Тяни.

КАРАКОЛЬ (вытаскивает перстень, рассматривает его). Верно, перстень с печатью. На печати дракон в короне. Фамильный герб наместника... Ну, если дело идет без обмана, опускаю вам веревку потолще. Вылезайте! (Опускает толстую веревку.)

Из ямы вылезает наместник без плаща.

(Удивленно.) Вот вы какой, господин Бистеколь?! Тоже горбатый.. Только если меня за мой горб прозвали улиткой, то вы по крайней мере – верблюд. А за печать спасибо. (Надевает перстень на палец.) Давайте мою веревку, побегу в город. За три дня много надо успеть.

НАМЕСТНИК. Пстой, помоги мне сначала вытащить из ямы плащ. Я весь продрог.

КАРАКОЛЬ. Плащ? А где он у вас там?

НАМЕСТНИК. Погляди, вон – видишь? – зацепился за корень...

Караколь наклоняется над ямой. Наместник сильно толкает его, и Караколь исчезает в яме.

Туда тебе и дорога, бездельник! Для тебя-то и была вырыта эта яма.

КЛИК-КЛЯК. А как же перстень с печатью?

НАМЕСТНИК. Потом достанем. Он там будет в полной сохранности. (Поднимает рог и трубит.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Из-за занавеса на просцениум выходит бабушка Тафаро.

БАБУШКА ТАФАРО. Вот, друзья, какие дела творятся у нас в городе. Час от часу не легче. Маленького Мартина схватили солдаты наместника и запрятали в башню Молчания. Да заодно с ним и всех оружейников, которые ковали мечи и копья. А тут еще и Караколь исчез. Ушел в лес за метелками, да так и не вернулся. Может, и его схватила стража?.. Пусто, скучно стало в городе... А ведь нынче у нас большой праздник – майский день. Прежде, бывало, все, от мала до велика, на улице. Смех, песни, пляски. А теперь и думать про это забыли. Девушки не поют, а только плачут. Да и как не плакать! Первую нашу красавицу, дочь самого почтенного мастера – Веронику насильно отдают замуж. И за кого? За страшного горбуна, за проклятого сыча из старого замка. А все же надо пойти прибраться к празднику свое жилище! Какой ни есть, а майский день – это майский день, и нельзя его встречать без ветки зеленой над порогом. Пойду похлопочу...

Бабушка Тафаро уходит с просцениума.

Занавес открывается

Декорация та же самая, что и в первом действии. Против часового у ворот замка на часах стоит второй латник – он охраняет дом Фирена. Раннее утро. В замке бьют часы. Дядюшка Нинош и бабушка Тафаро одновременно открывают окна и выглядывают на улицу.

БАБУШКА ТАФАРО. Добрый день, мастер Нинош!

НИНОШ. Уж какой там добрый! Я и не помню дня хуже этого.

БАБУШКА ТАФАРО. Прежде вечера день бранить нечего. (Вешает над окошком гирлянду из зеленых веток, укрепляет над входом букет.)

НИНОШ. Неужто вы, бабушка, собираетесь нынче майский день справлять?

БАБУШКА ТАФАРО. А как же! Старики праздновали и нам праздновать велели.

НИНОШ. Да уж лучше бы его и не было нынче, этого праздника! Мартин за решеткой, Караколь пропал. Веронику не нынче – завтра, увезут в замок к наместнику. Плакать надо. а не праздновать.

БАБУШКА ТАФАРО. Раньше времени плакать не стоит.

НИНОШ. Самое время! Вероника-то, наверно, все глаза вышлакала. Последние часы на воле доживает... Да и что это за воля! Бедняжка уж и сейчас под замком. А каково-то ей будет во дворце, у этого дракона заморского!

БАБУШКА ТАФАРО. А вот и он сам – легок на помине!

На площади появляются носилки наместника. Впереди и сзади латники. Сбоку, как всегда, человек в темном плаще. Капюшон надвинут на глаза.

НИНОШ. И зачем он в такую рань поднялся?

БАБУШКА ТАФАРО. Небось, стражу свою проверяет, хорошо ли невесту стерегут.

НИНОШ. Так и есть. Остановились у дома Фирена. Лучше и не глядеть.

БАБУШКА ТАФАРО. Да, на глаза им лучше не попадаться.

Оба прячутся. Человек в плаще подходит к часовому и делает ему знак. Тот почтительно отступает от дверей. Тогда из носилок выходит горбун, тоже по самые глаза закутанный в герцогский плащ. Высокий человек и горбун входят в дом. Нинош и бабушка Тафаро одновременно показываются на пороге своего жилья.

Где это видано – приезжать в дом к невесте перед самой свадьбой!

НИНОШ. Бедная Вероника! Смотрите! Уже назад идут.

БАБУШКА ТАФАРО. И она с ними!

Из дома выходит Вероника в сопровождении горбуна и высокого человека.

Увозят!..

НИНОШ. Каково-то сейчас мастеру Фирену! Прощайте, милая Вероника!

БАБУШКА ТАФАРО. Прощай, доченька!

Вероника машет им рукой. Высокий человек помогает ей сесть в носилки. Горбун взбирается следом за ней. Латники окружают носилки. В дверях появляется Фирен.

ФИРЕН (спокойно). Прощай, дитя мое! Счастливого пути! Скоро увидимся.

НИНОШ. Батюшки! Да что он такое говорит? «Счастливого пути!» Нечего сказать – счастье!.. Рехнулся, видно, старый Фирен.

БАБУШКА ТАФАРО. Может, рехнулся, а может, и нет. Ты погляди-ка, что тут делается.

НИНОШ. Ничего не понимаю... В глазах у меня двоится, что ли?

Из ворот замка появляются вторые носилки. Они тоже окружены латниками. Возле носилок тоже человек в темном плаще. Это Гильом. Происходит мгновенное замешательство. Гильом кричит: «Стойте!» и вместе с несколькими латниками бежит наперерез первым носилкам. На шум сбегаются жители города и останавливаются, пораженные: они видят перед собой двух Гильомов, видят, как к носилкам наместника движутся другие такие же.

ГИЛЬОМ. Остановите этих людей! Это обманщики! Задержите их носилки.

ДВОЙНИК ГИЛЬОМА. Вы сами обманщики! Попробуйте тронуть мои носилки! Там его светлость герцог!

ГИЛЬОМ. Вы лжете! Его светлость в тех носилках, в моих!

СОЛДАТЫ ПЕРВОГО ОТРЯДА. С дороги!

СОЛДАТЫ ВТОРОГО ОТРЯДА. Ни с места!

СОЛДАТЫ ПЕРВОГО ОТРЯДА. Руки прочь!

СОЛДАТЫ ВТОРОГО ОТРЯДА. Опускайте носилки!

ГИЛЬОМ. Да что вы стоите, солдаты! Опрокиньте их носилки. Они пустые, в них никого нет!

В это время из носилок выскакивает горбун в герцогском плаще.

ГОРБУН. Посмейте только прикоснуться ко мне!

СОЛДАТЫ ВТОРОГО ОТРЯДА. Герцог! (Отступают в замешательстве.)

ДВОЙНИК ГИЛЬОМА. Теперь видели? Прочь!

Даже Гильом на мгновение теряется. Из носилок выскакивает сам наместник.

НАМЕСТНИК. Что вы смотрите? Хватайте его! Это самозванец! Законный правитель города – я!

ДВОЙНИК НАМЕСТНИКА. Лжешь! Не по закону, а силой захватил ты наш город. А на всякую силу есть сила!

ДВОЙНИК ГИЛЬОМА. Горожане! Сюда! (Сбрасывает свой плащ.) Я Мартин-оружейник.

ДВОЙНИК НАМЕСТНИКА (тоже сбрасывая плащ). А я Караколь!

Наместник бросается на него с кинжалом, но Караколь предупреждает удар, и герцог падает мертвый.

ТИМОЛЛЕ (из толпы). Так его, так его, друзья!

ГИЛЬОМ. Герцог! Его светлость!.. Он убил герцога.. Ну, не уйдет он от меня! (Бросается к Караколю).

ВЕРОНИКА (соскакивая с носилок). Берегись, Караколь!

ГИЛЬОМ. Вот я тебя выпрямлю! (Со всего размаха ударяет Караколя своим длинным мечом. Караколь падает).

НИНОШ. Он ударил Караколя своим волшебным мечом!

ВЕРОНИКА. Он убил Караколя!..

МАРТИН. Горожане! Все сюда! Караколь убит! Наш Караколь... Рубите чужеземцев! Пусть они запомнят этот день. Оружейники, ко мне!

ГИЛЬОМ. Стража, ко мне! Бейте бунтовщиков!

Мартина окружают оружейники, которые были переодеты латниками, и горожане. Они теснят Гильома и его отряд за сцену. Вероника пробирается к телу Караколя, с трудом оттаскивает его в сторону и кладет на ступени домика бабушки Тафаро.

МАРТИН. Смелей, горожане! Умирать – так умирать с честью!

НИНОШ. Прочь с нашей земли, воры медноголовые!

ГИЛЬОМ. Солдаты! Нам ли бояться башмачников и пирожников! Мы непобедимы! Смотрите, у меня в руке мой славный меч Гайан! Мой волшебный меч!

МАРТИН. Оружейника мечом не испугаешь! А ну, держись, господин Гильом.

Бросается на Гильома, но тот выбивает у него из рук клинок и заносит над головой Мартина свой волшебный меч.

ГИЛЬОМ. Вот тебе мой последний удар!

ТИМОЛЛЕ. А вот тебе мой первый!.. (Он ударил Гильома по руке палкой. Тот роняет меч. Мартин подхватывает его.)

ГИЛЬОМ. Они захватили волшебный меч! В замок! За мной! Закрывайте ворота!

Гильом и латники убегают. За ними гонятся горожане во главе с Мартином и Фиреном. Площадь опустела. Только Вероника склонилась над телом Караколя. К ней подходит бабушка Тафаро.

ВЕРОНИКА. Слышишь, бабушка? Наши уже ломают двери замка, а Караколь этого не знает. Нет у нас больше Караколя! А ты еще говорила, что он будет счастлив, красив, женится на девушке, которую любит... Не дождался наш Караколь ни счастья, ни воли!..

БАБУШКА ТАФАРО (наклоняется над Караколем). Сынок, а сынок! Знаешь ли ты, какие у нас новости? Горбатого могила взяла, маленький из рук большого меч выбил... По сказанному, как по писаному... Слышишь, Караколь? А?

ВЕРОНИКА. Ты думаешь, он не умер, бабушка?

БАБУШКА ТАФАРО. Не знаю, девушка, не знаю... Меч-то ведь волшебный, говорят.

ВЕРОНИКА. Слушай, бабушка! В замке что-то тихо стало. Смотри, смотри! Наши ведут Гильома!

Входят горожане; счастливые, разгоряченные боем. Впереди, охраняя Гильома, идут Мартин, Фирен, Нинош.

МАРТИН. Горожане! Мастера и подмастерья! Мы свободны! Город снова наш! А этого чужеземца, который расправлялся с вами без суда (показывает на Гильома), мы привели на ваш суд.

ГОЛОСА. Да здравствует вольный город Мастеров! Конец чужеземцам!

ГОЛОС. А Мушероны где? Куда они спрятались?

НИНОШ. А ведь и правда! Все здесь, только их не хватает.

ГОЛОС. Смотрите! Смотрите! Нашлись Мушероны! Хотели улизнуть, да не удалось!

Народ расступается. Два оружейника подводят к Мартину Клик-Кляка и его отца.

ПЕРВЫЙ ОРУЖЕЙНИК. Вот вам беглецы, мастер Мартин!

ВТОРОЙ ОРУЖЕЙНИК. У самых городских ворот поймали!

ГОЛОСА. А, попались, изменники! Судить их! Смерть предателям!

МУШЕРОН (снимая с себя цепь бургомистра). Старшины! Мастера! Вот цепь бургомистра! Наконец-то дождался я того счастливого дня, когда могут отдать ее законному бургомистру, вашему достойному избраннику. (Передает цепь Фирену.) Тяжелым бременем лежала она на моих старых плечах... Я нес ее вам, когда эти добрые люди остановили меня.

МАРТИН. Нес нам, а попал прямо к городским воротам?

НИНОШ. Завертела лиса хвостом! А ну, Клик-Кляк, расскажи, куда вы хотели бежать с отцом?

КЛИК-КЛЯК. Он сказал: все равно куда, лишь бы подальше от вас.

МУШЕРОН. Не слушайте этого дурака! Мелет, сам не знает что...

КЛИК-КЛЯК. Нет, знаю! Ты боялся, что тебе отрубят голову, а я боялся, что мне отрубят голову. Вот мы оба и убежали.

МАРТИН. Ну, Мушерон, твой Клик-Кляк, оказывается, не так уж глуп, как мы думали до сих пор.

КЛИК-КЛЯК. Вот и его светлость, господин наместник, говорил то же самое.

В толпе смех.

МУШЕРОН. Ну и сынок! И когда я только от него избавлюсь?

МАРТИН. Скоро вы оба избавитесь друг от друга. Лису выдал хвост, осла – уши. Завтра вас будет судить суд старшин. Отведите их в тюрьму. Да и Гильома заодно.

ГИЛЬОМ. Я хочу, чтобы меня казнили сейчас.

ГОЛОСА. Ишь, как торопится! Не хочет, чтобы его судили!

ГИЛЬОМ. Перед смертью прошу только об одном.

МАРТИН. О чем же?

ГИЛЬОМ. Пусть меня убьют моим мечом, а не чужим, и пусть этот меч вложат в мои мертвые руки.

НИНОШ. Да как же это можно – зарыть с ним волшебный меч? Пусть он теперь нам послужит.

ГИЛЬОМ. Зачем он вам? Сегодня мой Гайан потерял свою волшебную силу. Его выбил из моих рук ребенок. Вы сами это видели.

МАРТИН. Согласны вы исполнить его просьбу, горожане?

НИНОШ. Лишь бы прикончить его! А уж каким мечом, все равно.

ВЕРОНИКА. Нет! Горожане! Мастера! Позвольте и мне сказать.

ГОЛОСА. Послушаем дочь мастера Фирена! Пусть говорит!

ВЕРОНИКА. Горожане! Этим мечом убит Караколь. Его кровь еще не засохла на клинке. Так неужели мы смешаем кровь нашего Караколя с волчьей кровью Гильома? Если мертвые руки должны держать рукоятку волшебного меча, то это руки Караколя!

ГОЛОСА. Верно! Она правильно говорит! Не отдадим ему меч!

ГИЛЬОМ. Горожане! Я у вас в плену. Мой конец близок. Исполните же мою предсмертную просьбу!

БАБУШКА ТАФАРО (выступая вперед). Ты и смерть хочешь обмануть, Гильом?! Что написано на твоём волшебном мече?

Гильом молчит.

Пусть он ответит мне, Мартин.

МАРТИН. Отвечай, Гильом!

ГИЛЬОМ. Там написано: «Прямого сгибаю, согнутого выпрямляю».

ВЕРОНИКА. Это все? Больше там ничего не написано?

ГИЛЬОМ. Ничего.

КЛИК-КЛЯК. Нет, там еще написано: «Павшего поднимаю».

ГИЛЬОМ. Молчи, щенок!

МАРТИН. Что это значит: «Павшего поднимаю»?

ГИЛЬОМ. Не знаю.

БАБУШКА ТАФАРО. Не знаешь? Ну, так я знаю! Вложите этот меч в руки Караколя!

Толпа расступается так, что виден лежащий на земле Караколь.

КЛИК-КЛЯК. Караколь... Как он сюда попал? Ведь мы же столкнули его в яму...

ТИМОЛЛЕ. Вы столкнули, а я вытащил.

КЛИК-КЛЯК. Ох, уж этот Караколь! Из любой беды цел выйдет. Ну, да на этот раз его, видно, крепко прихлопнули. Больше не встанет!

БАБУШКА ТАФАРО. А вот увидим. Дай-ка сюда меч Гильома, оружейник Мартин.

МАРТИН. Вот он, меч.

Мартин вынимает из ножен меч и передает Веронике. Она подходит к Караколю и вкладывает меч в его руки. Караколь приподнимается, садится и, сладко позевывая, протирает глаза.

ГОЛОСА. Караколь! Смотрите, Караколь очнулся! Он жив!

МАРТИН. Тише, горожане!

КАРАКОЛЬ. Что это? Сколько народу на площади! Разве сегодня праздник?

ГОЛОСА. Праздник, Караколь! Майский день!

КАРАКОЛЬ. А ведь верно! Я совсем забыл... Как же это я заснул посреди площади?

ФИРЕН. Видно, ты сегодня сильно устал, Караколь.

КАРАКОЛЬ. Да у меня и сейчас еще в глазах мутится и в ушах звенит. (Проводит рукой по глазам.) Мне кажется, что я видел какой-то хороший сон...

МАРТИН. Сегодня все наши сны сбылись, Караколь! Смотри, ворота замка открыты, Гильом в плену. Мы свободны!

КАРАКОЛЬ. А где наместник?

ВЕРОНИКА. Разве ты не помнишь, Караколь?

КАРАКОЛЬ. Помню, только не знаю, что было наяву, а что во сне. Маленький Тимолле вытащил меня из ямы... Это было наяву. Спасибо, маленький Тимолле!

ТИМОЛЛЕ. Ну что ты, Караколь!..

КАРАКОЛЬ. Тогда я побежал к башне Молчания, показал им перстень с печатью, и они отпустили Мартина и оружейников...

МАРТИН. И это было наяву! Спасибо, друг Караколь!

КАРАКОЛЬ. Полно, Мартин!.. Потом...

ВЕРОНИКА. Потом ты спас меня, Караколь. И это тоже было наяву.

КАРАКОЛЬ. Да. А потом... Потом я уснул... Долго же я спал! Вы тут и город успели освободить без меня и Гильома взяли в плен!..

ГИЛЬОМ. Пощадите меня! Моя жизнь еще может вам пригодиться!

МАРТИН. Твоя смерть нам нужнее. Отведите его и Мушеронов в тюрьму да заприте покрепче.

Гильома и Мушеронов уводят.

КАРАКОЛЬ (поднимаясь на ноги). Да здравствует вольный город Мастеров!

ГОЛОСА. Смотрите, смотрите! Это не он! Это не Караколь!

КАРАКОЛЬ. А кто же я? Вы что – не узнаете меня?

НИНОШ. Караколь, а где же твой горб?

КАРАКОЛЬ. До сих пор был при мне. А сейчас...

БАБУШКА ТАФАРО. А сейчас его нет как не бывало. Недаром на мече написано: «согнутого выпрямляю». Вот он тебя и выпрямил.

ГОЛОСА. Как он переменялся, наш Караколь! Какой стал красивый!

ВЕРОНИКА. Переменялся? По-моему, он всегда был такой.

БАБУШКА ТАФАРО. Правда, Вероника! Он всегда был такой, да не все это видели. Ну что, Караколь? Все вышло по-моему. И горба у тебя нет, и красив ты, и счастлив, и женишься на первой красавице в городе.

КАРАКОЛЬ. А пойдет ли она за меня, первая красавица?

БАБУШКА ТАФАРО. Уж если я говорю, что пойдет, так пойдет. Правда, Вероника?

ВЕРОНИКА. Не знаю, пойдет ли за него первая красавица, а я бы пошла.

БАБУШКА ТАФАРО. Ну, теперь слово за вами, мастер Фирен.

ФИРЕН. Караколь был мне другом в печальные дни. В счастливый день я рад назвать его сыном.

МАРТИН. Пусть же день нашего освобождения будет днем свадьбы Караколя и Вероники!

Толпа кричит: «Да здравствуют Караколь и Вероника!» В воздух летят шапки.

ФИРЕН. Мастера и подмастерья! Три дня тому назад нам запретили встречать майский праздник на этой площади...

НИНОШ. Тот, кто это запретил, лежит в могиле.

ФИРЕН. Это судьба всякого, кто захочет отнять у нас свободу и честь. Берегите их, друзья! Дороже их нет ничего на свете. А теперь давайте справлять наш праздник! Зажигайте огни, несите сюда наши цеховые знамена. Пусть музыканты не жалеют сегодня ни своих рук, ни щек, ни струн!

МАРТИН. А Караколь пускай споет нам. Ты споешь, Караколь?

КАРАКОЛЬ. Я бы спел, да боюсь, не разучился ли.

ВЕРОНИКА. Разве может Караколь разучиться петь? Ты пел тогда, когда весь город молчал. Неужели ты будешь молчать, когда весь город поет?

ГОЛОСА. Спой, Караколь! Без твоей песни нам и праздник – не праздник.

КАРАКОЛЬ. Что ж, попробую. Спую о вас, о себе и о своем вчерашнем горбе. Слушайте и подпевайте!

Двенадцать месяцев в году –
Считай иль не считай.
Но самый радостный в году –
Прекрасный месяц май.
Пусть наш город до утра
Поет и веселится.
Трубите в трубы, мастера,
Пляшите, мастерицы.
Одна счастливая судьба
У вас и Караколя:
И он избавлен от горба,
И вы, друзья, на воле.
Когда-то двое горбунов
На этом свете жили.
Один, как видите, здоров,
Другой лежит в могиле.
Пряма, как трость, моя спина,
Ее ничто не давит.
Зато другого горбуна
Могилка не исправит.
Он, как полено, глух и нем,
Не страшен добрым людям.
И мы теперь ни перед кем
Сгибать спины не будем.
ВСЕ (танцуют и поют).
Двенадцать месяцев в году –
Считай иль не считай.
Но самый радостный в году –
Веселый месяц май!

Занавес